

Гаврилюк М. П.

СВОБОДА ИСТОРИИ В ЭПОХУ ПОСТ-ПРАВДЫ

В статье рассматривается проблема развития культуры формирования объективности исторического знания. Посредством анализа современного феномена «пост-правды» как способа манипуляции сознанием, инструментом чего являются приёмы фальсификации истории, автор показывает эпистемологическую ценность истории и культурную значимость объективности историка.

Ключевые слова: *Пост-правда, история, политика памяти, мемориальные законы, цензура.*

Постановка проблемы.

Поскольку государство гарантирует сохранение прав и свобод граждан, то оно же должно гарантировать право на свободу понимания и толкования истории. Но свободу каждый объясняет по-разному. Большинство ответят, что свобода – это осознанный и самостоятельный выбор для реализации определенного действия. Другие скажут, что свобода – это право действовать независимо от других, или независимо от контроля других.

В философии даже возникло понимание «позитивной свободы» (свободы «для») и «негативной свободы» (свободы «от»). Об этом писал, например, Исайя Берлин в работе «Две концепции свободы» [1]. Он отмечал, что «утверждая, что я никому не раб» – мы проявляем «негативную свободу», то есть свободу от прямого вмешательства со стороны другого индивида.

Негативная свобода как свобода подростка от родителей не гарантирует последующую самореализацию, как проявление свободы воли, а просто фиксирует факт формального освобождения и на практике может привести к внутренней зависимости от личных страхов, комплексов, порождая «духовное рабство».

Позитивная же свобода – это свобода внутренне взрослого человека, способного брать на себя ответственность за других,

принимать решения, оставаться свободным от внутренних ограничителей (страха, невежества, слабости духа). Такую «позитивную свободу» тоже многие называют «рабством» – от обязанности быть ответственным, да еще и за других). И так, как ни поверни, свобода оборачивается «рабством», т. е. это мечта, иллюзия.

Немецкий поэт Гёте в поэме «Фауст» писал: «Нет рабства безнадежнее, чем рабство тех рабов, себя кто полагает, свободным от оков».

(«Niemand ist mehr Sklave,
als der sich für frei hält,
ohne es zu sein») [2].

Русский философ Н. Бердяев утверждал, что «человек легко отказывается от свободы во имя спокойствия и благополучия, он с трудом выносит бремя свободы и готов скинуть его и переложить на более сильные плечи» [3].

Вероятно, в философии спорят о том, что важнее:

– свобода от социальных ограничителей (мораль, обычай, право) – что характерно для «негативной свободы» или

– свобода от собственных внутренних ограничителей (внутренних запретов, комплексов), что характерно для «позитивной свободы».

Английский философ, теоретик либерализма Джон Милль выделял два вида свободы и называл их – «liberty» и «freedom». Термин «freedom», по его мнению, имеет более широкое значение. Мы можем употреблять его в значении «liberty», когда говорим о свободе, которая есть у нас по закону. Термин «freedom» мы используем в значении «свобода воли». «Liberty» – более официальное понятие и имеет узкое значение. Это свобода, которую обеспечивает нам наше государство. Это те свободы, которые прописаны в наших законах: свобода слова, религии, массовой информации, на труд и так далее. Достижение «liberty» – «свободы от» (стереотипов, традиций, социального давления), гарантированное государством, Милль считал главной задачей [3].

Изложение основного материала.
Итак, государство должно обеспечивать

защиту свободы личности от социальных притеснений.

Так, каждый человек имеет право на свободу понимания и толкования истории. Так формируется масса субъективных видений одних и тех же исторических событий, они имеют право на устное выражение.

Так, история субъективируется. В этом случае память, выраженная определенным нарративом, отождествляется с понятием история. И «историй» становится столько – сколько нарративов, эмоционально выражающих память определенного человека, семьи, узкой группы людей. В этом случае возможно столкновение, войны памяти, войны историй.

То есть задачей государства, которое обязано гарантировать личную свободу и право на свободу мысли, слова и т.д., является обеспечение баланса нарративов, диалога, недопущение конфликта «нарративов», т.е. конфликта «памятей», обеспечение свободы формирования объективной (достоверной, доказанной) истории, чем должны заниматься профессиональные историки, задачей которых является личностное абстрагирование, недопущение субъективного прочтения фактов. А это самая сложная работа и основа профессионализма.

Правда является материальной, реальной прямо здесь и сейчас. Напротив, все её описания и суждения о ней – это лишь искажённая Постправда. В информационном потоке Постправды, индивид зависит от личной способности сохранять свободу от влияния искаженных информационных воздействий. Его внутренняя свобода определяет его способность не стать зависимым от коллективного мнения, коллективного давления.

В итоге его буквальная свобода зависит от его свободы в осуществлении скептической выборки источников информации с целью создания «подушки безопасности» в виде знания объективных фактов, противоположных мнений и предмета дискуссии.

Но в эпоху Постправды (а Постправда – это проявление ситуации Постмодерна) задачей философов была деконструкция тотальных систем, метатеорий (например,

марксизма), субъективация истории с целью демонстрации «множества правд и историй», и это привело к тому, что каждый человек – носитель нарратива – был приравнен к историку. И вместо поиска создания «достоверного» (эпистемологического) знания, ценным стало умение эмоционально описать исторический факт, апеллируя к образам, личной памяти, к эмоциям. В результате, находясь в потоке эмоционального давления СМИ, люди с низким уровнем внутренней свободы, оказались зависимыми от «Авторитетного» мнения экспертов, политиков, судей. А кто авторитет?

Апелляция к эмоциям – это инструмент власти, способ электоральной мобилизации населения. Потому политики склонны выхватывать субъективные нарративы и превращать их в Историю, навязывая государству функцию коммеморации – т.е. формирования «коллективной памяти» (как основы государственной идеологии), функцию «пересмотра коллективной истории», апеллируя к эмоциям и переживаниям людей.

В этом случае возникает вопрос о легитимности «государственной идеологии» в условиях конституционности принципа «идеологического плюрализма».

Примером манипуляции историей является тема Голодомора 1932–1933 гг. в Украине, организованного правительством СССР, вследствие которого погибло более 10 млн. людей. Изначально, правительство умалчивало о геноциде и всячески его отрицало, засекречивало документы.

Жестокая информационная блокада сопровождала даже исполнителей, которые занимались переписью населения в 1937 г. Согласно данным, потери были слишком велики. Исполнители, владевшие этой информацией, были ликвидированы – их обвинили в антисоветской деятельности. По указанию НКВД в 1941 г. в Киеве уничтожили дела Наркомата охраны здоровья, чтобы не осталось ни одного документального доказательства о трагедии.

Вопреки всему, память о Голодоморе она осталась в воспоминаниях свидетелей, в случайно сохранившихся и засекреченных документах и фотографиях очевидцев. Одна из фотографий Николая Боканя стала

поводом для его обвинения антисоветской пропаганде [4].

Однако, повышение интереса общества к истории и желание почитать память жертв Голодомора, стали толчком для восстановления правды. По инициативе В. Ющенко, 28 ноября 2006 г. был принят Закон «Про Голодомор 1932–1933 гг. в Украине» [11], который официально признал мор актом геноцида украинского народа. Также, обеспечил условия для проведения исследований этой трагедии, открыв доступ к архивным и другим материалам, которые относятся к Голодомору.

Например, XX век для Германии-это многочисленное переосмысление истории. Еще в первой половине столетия, немцы подвергались манипуляции сознанием. Униженный в Первую мировую войну, национальный дух, был готов для того, чтобы снять с себя вину. В то время, когда немецкий народ находился под давлением и осуждением других европейских стран, политик Й. Геббельс занялся пропагандой. Он утверждал: «мы-немцы – нация, окруженная врагами, ...должны объединиться вокруг фюрера», «смерть предателям, которые в 1918 г. вонзили нам нож в спину». Безусловно, народ поддержал его призыв, и не понимал, что Геббельс руководствовался наблюдением Гитлера: «Массы ленивые и неповоротливые, их воспоминания неточны, и они реагируют лишь на тысячеразовое повторение простых истин» [5].

Как мы видим, пропаганда должна обращаться не к разуму людей, а к их эмоциям. Она должна быть ошеломительной, чтобы народ был готов поверить чему-либо. Пропаганда является эффективным методом достижения политических целей.

После поражения во Второй мировой войне, проводилась политика денацификации Германии. После осуждения виновных на Нюрнбергском процессе (1945–1946 гг.), были выдвинуты программы реформ образования, культуры, СМИ и юстиции. Одной из самых важных частей денацификации стала реформа СМИ. Все нацистские СМИ были запрещены. Первое время радиостанции работали под американской и британской цензурой. Они же и выдавали лицензии для работы немецким журналистам. Категорическим условием было объективное освещение

событий и разделение между новостями и мнением, оценкой. Обязательным в комментариях и оценках был плюрализм. Так, к середине 50-х гг. удалось маргинализировать нацистское движение.

Однако военная история рассматривалась как «чужая» вплоть до 1990-х, когда возрос интерес к истории Третьего Рейха, к переработке национал-социалистического прошлого. Начали активно вести исторические исследования; появились музеи и меморалы.

Холокост и законы памяти.

В 1990-х гг. во Франции Национальная Ассамблея приняла закон Гайсо [8] согласно которому за отрицание преступлений против человечности, предусматривается уголовная ответственность. Прежде всего, отнесенный к вине осужденных в ходе Нюрнбергского процесса нацистов за преследование и уничтожение евреев. В 1995 г., президент Ж. Ширак в речи на стадионе «Велодром» признал ответственность французов за депортацию евреев в лагеря смерти.

2 октября 1940 г. режим Виши принял «Декрет о евреях» («Statut de juifs»), согласно которому они не имели Права заниматься юриспруденцией, медициной, состоять на государственной службе, владеть недвижимым имуществом. Затем, правительство Петена приняло решение заключать евреев в специальные лагеря, а потом выдавать их немецким властям. Во время массовой депортации был учрежден пост верховного комиссара по делам евреев, на который был назначен Луи Даркье де Пеллапуа. Он заявлял, что «Нам необходимо избавить Францию от евреев, от всех этих чуждых элементов, от полукровок, от космополитов, которые были причиной всех наших несчастий». Под влиянием этого призыва, французская полиция совместно с другими коллаборационистами, активно проводила антиеврейские акции.

16 июля 1942 года была осуществлена крупнейшая облава под названием «Весенний ветер» («Vent printanier»), вследствие которой французская полиция арестовала 13 152 еврея: 44 % (5802 человека) из них составляли женщины и 31 % (4051 человек) – дети. Многие из них увезли на велодром «Вель д'Ив», использовавшийся в качестве тюрьмы. После пяти дней содержания на велодроме узники

были доставлены в концлагеря «Дранси», «Бон-ла-Роланд» и «Питивье», а затем – в немецкие лагеря смерти.

Долгое время после Второй мировой войны, об участии французов в Холокосте 1942–1944 гг. не вспоминали. Президенты Шарль де Голль и Франсуа Миттеран не признавали причастности французов к этой трагедии. Впервые об этих событиях заговорил в 1995 году президент Жак Ширак, заявив о факте массового коллаборационизма французов с нацистами.

Недавно, префект полиции Парижа Пьер Мюц подписал документ о предании гласности засекреченных документов 60-ти летней давности, которые касаются сотрудничества полиции Франции с нацистами [6].

Также, к «законам памяти» можно отнести мемориальный «закон Тобира» («La Loi Taubira») [7], принятый 21 мая 2001 года. Он признает рабство и работорговлю «преступлениями против человечества».

Подобное переосмысление событий истории является результатом процесса, который проходит во Франции.

Свобода истории. Принятие подобных законов вызывает оживленную дискуссию среди историков и общества как такового. Реакцией стало «Воззвание из Блуа» («Appel de Blois») [9] опубликованное 11 октября 2008 года французским историком Пьером Нора от имени объединения «За свободу истории», подписанное многими европейскими историками, такими как Морис Агулон, Жан Ле Гофф, Эрик Хобсбаум, Карл Моджелевски и другими. А 9 января 2013 г., количество подписавших этот документ увеличилось до 1374 представителей из 49 стран мира.

Регламентация исторической памяти и борьба с «неправильными фактами» стали главными причинами для появления «Воззвания из Блуа», результатом которого стала рекомендация, объявленная президентом Национального собрания Франции Бернара Акуае в ноябре 2008 года, которая призывала воздерживаться от принятия мемориальных законов, т.к. выражение оценки исторических событий не является функцией Парламента демократической и европейской страны.

Французский философ Мишель Фуко, известный как сторонник

постструктурализма, утверждал, что помимо памяти, в обществе еще существует такой феномен как контрпамять [10]. Это явление характеризуется тем, что всегда находятся те люди, которые осознают факт манипуляции, или не позволяют манипулировать историческими фактами.

Так, возмущение объединившихся в вышеупомянутую ассоциацию «Свобода истории», является проявлением механизма контрпамяти. Ведь диктовка государством различных взглядов на историю невозможна в демократическом обществе из-за существования различных точек зрения.

Что касается тоталитарного общества, то процесс осознания случается, как правило, после смерти диктатора или смены политического режима.

По мнению М. Фуко, главный интерес истории лежит в области политики, имеющей дело с памятью. Философ утверждает, что «...необходимо использовать историю таким образом, чтобы навсегда освободить её от модели памяти, модели одновременно метафизической и антропологической. Необходимо сделать из истории контрпамять, и, следовательно развернуть в ней иную форму времени».

Цензура исторической мысли. Цензура общественно-политической мысли используется государственной властью для регулирования порядка в обществе. Она выступает в качестве элемента государственной системы, а общественное мнение занимает важное место в процессе осуществления цензуры. Ведь для цензоров основой для выборки «недопустимой» литературы является фактор непринятия большинства. Запрещается то, что вызывает порицание преобладающего количества членов общества. Остается неясным, почему мнение большинства-верное? Как быть если среди большинства преобладает невежество и необразованность? Почему кто-то считает что есть хорошо и определяет абсолют объективности? Эти вопросы остаются без ответов. Впрочем цензура, как метод, помогает государству направить ориентацию и поведение людей в русло реализации целей. Жесткий контроль ограничивает свободу слова, отбирая конечную информацию, доводимую до общественного доступа.

Таким образом, в СССР институт цензуры использовал изданные Главлитом такие документы как «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати и по радио» (1949), «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах на радио и телевидению» (1976) и подобных, которые выпускались несколько раз, для конструирования исторической реальности.

В СССР согласно Конституции 1936 г. [12] года была свобода слова и печати. Статья 125 гласила закрепляла, что в «соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- свобода слова;
- свобода печати;
- свобода собраний и митингов;
- свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления».

Исходя из этого, можно сказать, что официально цензуры в СССР не было, а фактически, её существование скрывалось и маскировалось под другими видами ограничений, например под «охрану государственной тайны». Так, была разработана система уровней доступа-грифов секретности, под которым, в частности, оказались сведения о количестве погибших в следствии Голодомора 1932–1933 гг.

К тому же, после заключения пакта Риббентропа – Молотова в 1939 г., под цензурным запретом оказались любые сведения о русско-прусской и других войнах между Россией и Германией в истории. Такая цензура в тоталитарном обществе объясняется тем, что «неподходящая» для идеологии информация может поспособствовать дестабилизации.

В наше время, согласно статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантируется взаимное существование свободы слова и одновременно её ограничений во имя всеобщего блага. Также, она предоставляет право получать и распространять

информацию и идеи без вмешательства со стороны публичных властей.

Несмотря на то, что в современное время доступ к информации про исторические события открыт, происходит дифференциация истории, путем акцента на пропаганду и интерпретацию исторических фактов, в следствии чего поиск исторической правды усложняется.

Постепенный запрет тех или иных тем, а также навязывание определенных точек зрения-непременный атрибут государства, даже несмотря на то, что явление цензуры может провоцировать нежелательный протест информационного общества.

Выводы. Во-первых, репрезентация альтернативных историй ставит под вопрос сохранение прошлого. Государственные институции защищают свою версию произошедшего, иницируют мемориальные законы, которые криминализируют определенные взгляды на прошлое. В ответ на эти процессы возникают соответствующие протесты против установления цензуры над исторической сферой и её морализации. Идет борьба за сбережение истории как науки.

Во-вторых, фальсификация истории имеет множество форм, такие как:

- умолчание;
- упрощение и вульгаризация проблем;
- концентрация на одних темах, и игнорирование других;
- переименование фактов;
- преувеличение значимости событий;
- игнорирование исторического контекста.

Тенденция спекуляции историческими фактами-негативное явление, которое, в свою очередь усугубляет конфликты, дезинформирует социум, управляет коллективной памятью, уводя её в нужное для политических деятелей направление.

В-третьих, стоит добавить, что антагонизм между историей и памятью является характерной чертой века постмодерна. Постмодернистское мышление включает в себя концепцию постправды, т.е. репрезентацию альтернативных историй. История, как наука, подвергалась и подвергается бесконечным трактовкам и воспроизведениям ложных заявлений. Впрочем, пока существует осознание ситуации и сопротивление бессознательному

принятию лжи, у истории есть шанс на сохранение прошлого.

Поиск возможностей увидеть историю с разного ракурса и желание найти «историческую правду» позволяет восстановить события, трансформируя исторический опыт. Выходя за пределы постправды, индивид способен научиться мыслить и анализировать самостоятельно. Так, он исключает невежество и дает возможность истории освободиться от оков.

Список использованных источников :

1. Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткінда. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
2. Goethe J. W. Von Die Wahlverwandschaften. URL: https://www.bookrix.de/book.html?bookID=bx.goethe_1208271362.7064819336#0,504,274266. (дата звернення 07.03.2019).
3. Милль Дж. О свободе. Пер. с англ. А. Фрийдмана. *Наука и жизнь*. 1993. № 1. С. 21–26.
4. В'ятрович В. Історія з грифом «Секретно». З українського минулого з архівів КГБ. URL: http://chtyvo.org.ua/authors/Viatrovych_Volodymyr/Istoriia_z_hryfom_Sekretno_Taiemn_ukr_mynuloho_z_arkh_KHB/ (дата звернення 07.03.2019).
5. Копосов Н. Е. Политика памяти и мемориальные законы. *Журнал Гефтер*. 28 февраля 2012. URL: <http://gefter.ru/archiv/e/3302/3> (дата звернення 07.03.2019).
6. La commémoration de la rafle du Vel' d'Hiv' à Drancy», sur lemonde.fr, Le Monde, 16 juillet 2012. № 9. (consulté le 23 avril 2014).
7. La Loi Taubira. *Legifrance.gouv*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000005630984&dateTexte=vig> (дата звернення 07.03.2019).
8. La Loi Gayssot. *Legifrance.gouv*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT00000532990&categorieLien=id> (дата звернення 07.03.2019).
9. Nora P. L'Appel de Blois. URL: http://www.lphasso.fr/index1307.html?option=com_content&view=article&id=47&Itemid=14&lang=en (дата звернення 07.03.2019).
10. Фуко М. История безумия. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=46516> (дата звернення 07.03.2019).
11. Закон «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні». *Законодавство України*. URL:

<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/37616.№34> (дата звернення 07.03.2019).

12. Конституция СССР 1936. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата звернення 07.03.2019).

Gavrilyuk M. P. – Student of the Faculty of International Relations, Political Science and Sociology of the Odessa National University named after I. I. Mechnikov

Freedom of History in the Post-Truth Era

The following article describes the problem of the phenomenon of post-truth in France, in Germany and in Ukraine and its role in organization of collective memory by political agents in modern times. After short overview of the issue, this question should be seen as largely a continuation of the last sixty years of postmodernism, especially in its deconstructive guise.

A post-truth environment presents particular problems to historians who are trained to deal with evidence, data, and facts. Does the historian have a special role to play in preserving public memory from 'alternative facts'?

Examples of events used by politics of memory are most often associated with how to memorise the national socialist era and World War II. Despite the fact that the Holocaust is an integral part of history of WWII, in France has passed a few laws on crimes against humanity. In response to these laws, was written 'L'Appel de Blois' – ia an initiative by Liberte pour l'histoire to work against legislative authorities criminalizing the past through the legislative, which resulted in a recommendation announced by the President of the National Assembly of France Bernard Acquayet in November 2008, which called for refraining from adopting memorial laws, since expressing an assessment of historical events is not a function of the Parliament of a democratic and European country.

In addition, Holodomor in Soviet Ukraine 1932–1933 become a political tool abused for manipulation: the Ukrainian Parliament passed a law defining the Holodomor as a deliberate act of genocide and made public denial illegal. However, during the Soviet regime, these facts were classified.

As a conclusion, History has been and is being subjected to endless interpretation and

replications of false statements. Also, as long as there is an awareness of the situation and resistance to unconscious acceptance of lies, history has a chance to preserve the past. Finding opportunities to see history from a different angle and a desire to find «historical truth» allows to to learn to think and analyze independently. Thus, it excludes ignorance and allows history to break free from shackles.

Key words: *post-truth, History, politics of memory, memorial laws, censorship.*

*Рекомендовано до друку
– к. політ.н., доцентом Узун Ю. В.*

Стаття надійшла в редакцію 4.02.2019.